

Южная Русь

ИСТОРИЯ ЮЖНОЙ РУСИ

АЛЕКСАНДР
СМИРНОВ

Александр Смирнов
История южной Руси

«Алисторус»

2008

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Смирнов А. С.

История южной Руси / А. С. Смирнов — «Алисторус», 2008

ISBN 978-5-9265-0562-4

В 2008 году исполняется 90 лет IV Универсала, провозгласившего независимость Украины в 1918 г., 90 лет ЗУНР и 300 лет перехода гетмана Мазепы на сторону шведского короля, и эти даты, без сомнения, вызовут жесткие дискуссии среди специалистов и в обществе как в России, так и на Украине. Все это делает работу Александра Смирнова крайне актуальной. Актуальность его работы определяется уже тем, что аналогов ей в исторической науке нет, хотя востребованность такого фундаментального исследования, близкого по уровню исполнения к философии истории, признают многие украинские историки. Автор анализирует не какую-то часть истории Южной Руси и Украины, не какой-то отдельный, пусть и сверхактуальный вопрос, а всю историю южнорусского пространства, включая и начало XXI в., а также большую часть фундаментальных вопросов этой истории.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9265-0562-4

© Смирнов А. С., 2008
© Алисторус, 2008

Содержание

Введение	6
Раздел первый	9
Глава I	9
Глава II	14
Глава III	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Смирнов А.С

История южной Руси

© Смирнов А.С., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

* * *

Познав себя – познаешь мир.
Ортега-и-Гассет

Без Истины нет Свободы.
Жан-Жак Руссо

Введение

Неразвитость методологии современной исторической науки на Украине как основа фальсификаций. «Украинская история» как идеология внутреннего пользования. Соккрытие исторических источников и подтасовка фактов. Препятствия научному диалогу историков и обществоведов

Современное состояние исторической науки сложилось на Украине в последние 17 лет (с 1991 г.). Для него характерно господство идеологического взгляда на исторические процессы и события: вся более чем тысячелетняя история Южной Руси и Украины рассматривается исключительно как борьба за создание украинского государства.

Следствием господства идеологии в исторических исследованиях является игнорирование целого ряда важнейших научных принципов методологии. К главным негативным моментам идеологического подхода нужно отнести следующие.

1. Отсутствие историко-генетического принципа при изучении исторических событий и фактов. Современное территориальное состояние и название пространства Украины переносится в глубины веков. В «историю Украины» включаются настолько древние периоды (например, скифский и даже трипольский!!), что исчезают даже элементы научности. Хотя общеизвестно, что на протяжении всей античности нет письменных свидетельств не только о Руси и тем более об Украине, но даже о славянах.

Само возникновение Руси в исключительной мере принадлежит средневековой истории. В результате, украинскими историками нарушается важнейший научный метод историзма. Благодаря этому происходит грубая фальсификация целых периодов истории. Та же Киевская Русь, вопреки всем имеющимся фактам, включена в украинскую историю. Хотя название «Украина» закрепляется за пограничной частью Южной Руси не ранее XVI в. Неудивительно, потому что сам термин «Украина» как раз и означает пограничье.

2. В работах украинских историков практически полностью отсутствует сравнительный метод. История Украины преподносится как нечто совершенно уникальное и самодостаточное. Хотя в действительности территория Южной Руси, а затем и Украины всегда находилась на пересечении крупнейших геополитических пространств: византийской, мусульманской и европейской цивилизаций, российской евразийской субцивилизации. Закономерно, что южнорусское и украинское пространство испытало огромное и длительное воздействие «ритмов Евразии», которые и определили ход южнорусской и украинской истории.

Поэтому отсутствие сравнительных исследований в украинской истории XX и XXI вв. превращает ее в мифологизированную идеологию для внутреннего пользования. Она изначально таковой и предстает у ее основателя Михаила Грушевского.

И сегодня негласно в среде украинских историков действует принцип – история Украины только для украинцев. Исследования и выводы зарубежных специалистов, нередко даже украинцев диаспоры, беспардонно замалчиваются.

Тем более игнорируются достижения польских и особенно русских исследователей.

Следовательно, украинские историки не применяют ни историко-генетического метода, ни сравнительного. В целом, методологию в украинской исторической школе практически полностью заменила идеология.

Но почему важно применение историко-генетического и сравнительного методов? Потому, что только так можно понять ход истории во времени и пространстве, соответственно. Историки, исследующие события вне времени и пространства не могут на научном уровне понять их содержание и смысл. История неизбежно приобретает черты аморфного патристического мифа.

3. Результатом грубого игнорирования сравнительно-исторического метода становится невозможность решения фундаментальных проблем южнорусской и украинской истории. Например, в современной украинской истории не исследуется ее фундаментальная проблема: как и когда Южная Русь превратилась в Украину, а малороссияне Поднепровья и русины Галиции стали украинцами. Вместо научных исследований путем фальсификаций средневековая Русь отождествляется с позднейшей Украиной посредством придуманного Грушевским и в действительности никогда не существовавшего термина Украина-Русь.

Наоборот, эти термины в реальной истории противостоят друг другу. Причем это подтвердил сам Грушевский-политик, заменив в качестве реального главы Центральной рады в 1918 г. название Малороссия на Украину.

Игнорируется важнейший факт буферного положения Южной Руси по отношению к мировым цивилизациям и субцивилизациям, к Европе в частности. Вместо этого совершенно безосновательно Украина объявляется извечной частью Европейской цивилизации, да еще в ее нынешних, созданных в период большевистско-коммунистического режима границах. Хотя на протяжении всей истории Южной Руси и Украины существовало множество черт экономического, политического, социального характера явно неевропейского типа.

Например, на территории Южной Руси не было феодализма, а в Средневековье получили распространение территориально-клановые отношения. Казачество – гордость всех украинских историков, типичное явление степного пространства Евразии, но никак не Европы. Об этом прямо свидетельствует наличие казаков на огромном протяжении южных степных границ России: Дона, Кубани, Яика и даже Сибири и Маньчжурии!

4. Особенно широко для фальсификации истории украинская историческая школа применяет принцип манипуляции фактами и источниками. Одни из них могут полностью замалчиваются, из других, как из «Повести временных лет», вырываются куски текста и т. п. Другой широко применяемый метод фальсификации – это выпячивание мелких и даже мельчайших исторических фактов и игнорирование крупнейших и важнейших событий и фактов. В этом особенно преуспел основатель украинской исторической школы Грушевский в своей «Истории Украины-Руси».

Этот же метод продолжает широко использоваться современными украинскими историками. Так, при трактовке деятельности ОУН-УПА, совершившей в годы Второй мировой войны тяжкие преступления против человечности, игнорируются общеизвестные факты геноцида евреев и поляков. В то же время мелкие военные столкновения УПА с немецкими частями выдаются за освободительную войну. Хотя точно известно, что ОУН-УПА никогда не прекращала сотрудничества с Германией. В частности, лично командующий УПА Шухевич руководил на протяжении ряда лет уничтожением десятков тысяч евреев, поляков, белорусов, украинцев. Причем не только в 1941 г., но и в 1942–1944 гг. С согласия Шухевича в 1943–1944 гг. была создана дивизия СС «Галичина».

Таких примеров выпячивания мельчайших фактов и событий и замалчивания и фальсификации крупнейших и важнейших исторических фактов можно назвать множество, причем на всем протяжении многовековой южнорусской и украинской истории.

Замалчивается факт того, что первым центром Руси был Новгород, и что именно из него династия Рюриковичей попала в Киев. 250 лет между этими центрами была теснейшая политическая, экономическая, религиозная связь. Замалчивается факт почти полного упадка киевской, черниговской и других южнорусских земель на протяжении едва ли не 300 лет: с середины XIII до середины XVI в., как и факт того, что несколько раз Киев просто пустел после нашествий татар, что означало смену населения на этих землях.

Совершенно игнорируется позднее возникновение украинского языка как русско-польского диалекта. Украинские филологи и историки, вопреки полному отсутствию исторических документов на украинском языке едва ли не до XVII в., утверждают, что население Южной

Руси говорило на украинском языке! В действительности, именно в XVI–XVII вв. в захваченных поляками южнорусских землях в русский язык внедрились сотни польских слов, что привело к формированию малорусского наречия и предгорного диалекта галицких русинов. На их основе в XX в. и был создан украинский язык. Чуть раньше в конце XIX в. был разработан украинский алфавит (кулишовка).

Замалчивается или преднамеренно не замечается факт того, что и в XVII в. южнорусские земли сохраняли имя Руси. Например, Гадячский договор Выговского с поляками предполагал создание именно Русского княжества, а не Украинского. Особенно настойчиво замалчивается факт того, что термин «Украина» и «украинцы» никогда не использовался в Галиции, что многие столетия, почти до XX в., здесь господствовали термины Малая Русь, Галицкая Русь, Русское воеводство, русины. Тщательно скрывается факт колоссального влияния на процесс создания Украины и украинцев Австрии, Германии и особенно большевизма. Замалчивается факт типично марионеточного характера гетманата Скоропадского и УНР. Последняя называется высокопарно Державой! Немцы – настоящие создатели таких «держав», презрительно называли их «шуц-штатен» (буферными).

Подобного рода замалчивания и манипуляции фактами ставят вопрос о научности украинской истории и квалификации историков, ее создающих.

5. В украинской исторической науке практически полностью отсутствует свобода слова и дискуссий. Существуют прямые запреты со стороны Министерства образования и науки на исследования целых исторических эпох. Например, Киевской Руси, что лишний раз свидетельствует о неевропейском характере современного государства «Украина».

Следовательно, в такой важной для общественного сознания научной отрасли, как история, отсутствуют самые элементарные демократические свободы. И, прежде всего, свобода слова! Неудивительно, что здесь процветает фальсификация и коррупция, основанная на клановости и землячестве. Низок профессиональный уровень большинства украинских историков, которые не столько изучают, сколько сочиняют украинскую историю. Практически отсутствуют фундаментальные исследования по всей истории Украины, ибо невозможно написать историю Украины до XX в., которой не было. Нужно писать историю Южной Руси, а за это могут наказать.

Причины такого положения будут рассмотрены далее, хотя о главной мы уже сказали. Она состоит в превращении истории в идеологию для обоснования политических целей – существования государства «Украина» в ее нынешних границах Южной Руси.

В этом отношении «история Украины» играет ту же идеологическую роль, что «история СССР» и «история КПСС» при коммунистическом режиме. Неудивительно, что она преподается во всех высших учебных заведениях независимо от профиля. То же имело место в СССР с чисто идеологической дисциплиной «историей КПСС».

Далее мы увидим, что эта преемственность вовсе не случайна.

Раздел первый

Южная Русь как буферная территория между Европой и Евразией

Глава I

*Таинства историографии, или Как сформировалась украинская
историческая школа. Основные черты украинской исторической науки*

Едва ли не на всем протяжении XVIII в. история Южной Руси еще оставалась на уровне авторского летописания. Оно осуществлялось в среде гетманской старшины, и наиболее известными примерами такого летописания были «Самовидец» неизвестного автора, «Сказания» Самуила Величка, «Действия...» Грабянки, и др. Собственно, научные исследования по истории Украины (Южной Руси), как и по истории России, были начаты европейцами. Но если в случае с Россией это были немцы (Миллер, Шлецер, Фишер), приглашенные русскими императрицами, то украинской (южнорусской) начали заниматься поляки. Среди последних ранее всего – на рубеже XVIII–XIX вв. граф Ян Потоцкий и Фаддей Чацкий. Правда, их взгляды на историю Украины и происхождение украинцев лишь по видимости были научными, а в действительности крайне тенденциозными. Так, Потоцкий отрицал связь с русским корнем населения Южной Руси и называл его украинцами, а Чацкий даже считал, что украинцы произошли от особого племени «укров», якобы обитавших за Волгой как орда и оттуда пришедших.

Логика их рассуждений была проста. Пространство Южной Руси в Польше называли Украиной (пограничьем), а значит, населять ее должны украинцы. В такого рода логике была доля истины. На юге Руси действительно и неоднократно менялось население. Так, фактически 200 лет (середина XIII – середина XV в.) эта территория была опустошена, затем в конце XV в. новые опустошения принесли набеги крымских татар. Но волна нового заселения с середины XVI в. шла, по преимуществу, из западнорусских, белорусских, великорусских земель. То есть, территорию, называвшуюся поляками Украиной, снова заселяли выходцы из пространства бывшей Руси, а значит, русские. Интересно, например, что Галичина, находившаяся намного западнее Киевщины, Брацлавщины и Черниговщины («Украины» в польских терминах), в составе Речи Посполитой продолжала сохранять старое административное название – Русского воеводства. В Великом княжестве Литовском сохранилось старое название Белой Руси. Еще более интересно, что в период Гетманщины, например, по тому же Гадячскому договору 1658 г., возрожденная южнорусская государственность должна была именоваться Русским княжеством.

Причины тенденциозности польских исследователей украинской истории были вполне понятны. Как раз в конце XVIII в. был завершен раздел Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией. Причем почти вся территория нынешней Украины вошла в состав России как исконно русская, ранее захваченная поляками. Неудивительно, что польские исследователи стремились доказать извечную нерусскость южнорусского населения, чтобы обосновать необходимость воссоздания Речи Посполитой в прежних границах. Правда, была и объективная причина попыток польских исследователей выделить южнорусское население в отдельный этнос, а Южную Русь превратить в Украину. Она состояла в длительном политическом разделении Южной и Северной Руси, начатого монголо-татарским нашествием (середина XIII в.), а позднее экспансией Литвы. В результате 300-летнего раздельного развития Южная Русь приобрела черты буферного пространства между европейской и мусульманской цивилизациями.

Так что новый термин названия Южной Руси – Украина (буквально: пограничье) – соответствовал ее геополитическому положению в XIV–XVII вв. В те же века Северная Русь также перешла в новое геополитическое состояние, превратившись в евразийское царство, охватившее к середине XVII в. всю северную Азию до Тихого океана.

Но парадокс состоит в том, что как раз в конце XVIII в. Российская империя полностью вытеснила из северного Причерноморья мусульманскую Османскую империю и захватила Крымское ханство. Соответственно, Южная Русь перестала быть Украиной, так как изменилось ее геополитическое положение. Южнорусские земли перестали быть пограничьем между европейской и мусульманской цивилизациями, которые Россия воссоединила в пределах своих границ. При этом исчезло и европейское государство, владевшее южнорусскими землями, – Речь Посполитая.

Так что именно в конце XVIII в. произошли такие геополитические сдвиги, которые, казалось, делали неактуальным само определение юга Руси как Украины. Ибо с исчезновением таких политических образований, как Крымское ханство и Речь Посполитая, исчезло и пограничье, их разделявшее, то есть Южная Русь теряла значение буферной территории. Неудивительно, что в это же время на рубеже XVIII–XIX вв. формируется другое направление украинской (южнорусской) историографии – малороссийское, представленное «Историей Руссов», авторство которой приписывают отцу и сыну Полетика. Как и работы польских историков, «История Русов» не являлась в полном смысле научной. Однако для нас важна ее главная идея, которая выражала претензии на политическую обособленность Южной Руси, и отражала взгляды казачьей старшины Гетманщины, переходившей в новое состояние – дворянского сословия имперской России. Неудивительно, что автор «Истории Русов» отвергал название «Украина», навязанное поляками. «История Русов» имела переходные черты: была и завершением летописания малороссийской старшины, и попыткой создания особой истории, претендовавшей на научность, но с точки зрения малороссийской. Но малороссийское направление в истории не получило развития в первой половине XIX в. Некоторые идеи «Истории Руссов» использовались Бантыш-Каменским в «Истории Украины» (1822 г.) и Маркевичем в «Истории Малороссии» (1840 г.). Однако, малороссийское направление почти на протяжении всего XIX в. так и не выделилось из общего русского развития исторической науки. Следовательно, явной была политическая, а не научная причина появления двух направлений в украинской (южнорусской) историографии: польского и малороссийского. Тем более что именно в XIX в. и большая часть Польши, и большая часть Южной Руси находились в составе Российской империи. Естественным и главенствующим было третье направление исторической науки, которым являлась собственно история России, разрабатываемая русскими историками. Фактически уже с середины XVIII в. Ломоносовым и Татищевым, но особенно со времени Карамзина. Для русского направления было характерно игнорирование различий Северной и Южной Руси, причем в самом широком смысле. В политическом, этническом, историческом, языковом, религиозном, культурном. Это была государственная историческая школа в чистом виде, выражавшая также имперский подход в понимании прошлого Руси и России.

Несомненно, для нее также была свойственна тенденциозность. Например, сведение исторических исследований к изучению государства как института. Нередко игнорировалась собственно история народа.

Однако в русской школе были собраны лучшие научные силы империи и на протяжении XIX в. именно она развивала историческую науку в лице своих крупнейших представителей: Карамзина, Погодина, Соловьева, Ключевского и др., и абсолютно доминировала. К тому же, историческая школа государственников достаточно адекватно отражала процессы именно русской (великорусской) истории, где государственная власть в виде монархии деспотического типа – самодержавия, действительно была главной консолидирующей и цивилизующей силой.

Поражения польских восстаний 1831 г. и 1863 г.г. с одной стороны, и интеграция малороссийского общества в государственные и социальные структурами Российской империи с другой, привели к полному преобладанию русской исторической школы. И как мы знаем, это было также следствием того, что южнорусские земли перестали быть буферной территорией, то есть, приобрели новое геополитическое состояние. Вместе с тем, к середине XIX в. начинается формирование нового состояния малороссийской исторической школы, которая однако, изначально восприняла немалое число идей, выдвинутых польскими историками. Реально происходил синтез польской и малорусской школ, из которых впоследствии и сформировалась украинская школа. При этом собственно польская школа переместилась в Краков, передавая выработанные идеи украинской.

Однако этот процесс синтеза охватил длинный период времени: с середины XIX в. и до сегодняшнего дня. Даже сегодня украинская историческая школа не получила завершения, ибо не существует обобщающих работ уровня «Истории Украины-Руси», которая сама по себе, как концептуальный труд, безнадежно устарела. Естественно, что зарождение малороссийской школы с середины XIX в. могло протекать как процесс формирования особого направления в русской исторической школе. И действительно, мы видим это на примере крупнейших представителей этого направления: Костомарова, Кулиша, Антоновича, Грушевского, творчество которого и завершило процесс. Все они, кроме последнего, имели двойственные черты в своем научном творчестве. С одной стороны, эти историки еще находились в научном и административном поле русской школы, но с другой стороны, путем синтеза малороссийского и польского взглядов на историю Южной Руси в их творчестве формировались взгляды украинской исторической школы.

Так, Костомаров еще оставался преимущественно на почве малороссийской и даже русской исторической школы, что прекрасно видно по его последней крупной работе «Мазепа». Пантелеймон Кулиш уже гораздо дальше продвинулся в сторону украинизации. Хотя к концу жизни обнаружил сильные колебания во взглядах на историческую судьбу Малороссии. Неудивительно, что над вторым изданием своего крупнейшего труда «Истории воссоединения Руси» он трудился почти до конца жизни.

Особенно интересен для понимания процесса формирования украинской исторической школы пример Антоновича. Причем сразу в нескольких отношениях. Прежде всего, в эволюции его самосознания как неполяка, что было зафиксировано в известной «Исповеди». Хотя все же по происхождению Антонович был поляк. Затем в том, что Антонович умудрялся вести не только двойную политическую, но и двойную научную жизнь. Так, он длительное время оставался профессором русской истории Киевского университета, и в то же время вел у себя на квартире тайные курсы уже украинской истории для избранной группы слушателей, одним из которых и был М. Грушевский.

Наконец, последний окончательно вышел из русской исторической школы, создав во Львове свою, украинскую школу. Как мы увидим далее, для нее свойственно было совершенно необоснованное перенесение термина «Украина» и «украинцы» на всю, даже самую начальную стадию русской истории. Разделение истории Южной и Северной Руси также с самого начала русской истории, отказ от признания значения прихода дружин варягов для основания Руси и многие другие положения, явно отдающие фальсификацией истории ради политических целей. Нетрудно увидеть, что в этом явно прослеживаются идеи польской школы.

На территории собственно России украинская школа не могла получить сколько-нибудь значительное развитие. Как по политическим мотивам, ибо несла в себе идеологию украинского сепаратизма, так и по научным, ибо невозможно согласиться, находясь на научной точке зрения, что Киевской Русью правили украинские князья, и что это было украинское государство. Зато некоторое время украинская школа имела возможность развиваться в СССР. Как

известно, и сам М. Грушевский с 1924 г. жил в СССР. Но уже в 30-е гг. украинская школа была разгромлена, а ее представители уничтожены физически.

Развитие украинская школа получила в исторических трудах историков-эмигрантов: Дорошенко, Винниченко, Мазепы, Полонской и др., многие из которых сами были непосредственными участниками революционных и военных потрясений 1914–1920 гг. Эти работы излагали видение авторов событий тех лет и были достаточно объективны. В частности, работы Винниченко, Мазепы, Дорошенко. Однако даже в работах этих авторов многие важные вопросы или замалчивались, или искажались.

Например, степень зависимости украинского движения от Австрии и Германии, марионеточный характер правительств Центральной Рады и Гетманата, безразличие широких масс Малороссии к украинской государственности, глубокие противоречия между Директорией и руководством ЗУНР и т. д. Работы других историков-эмигрантов отличались еще большим субъективизмом. В том числе и обобщающие работы по всей истории Украины. Для них характерны все те же явные элементы фальсификации: отрицание или искажение факта прихода в Киев варягов-русов и основания ими Руси; отделение истории Украины от истории России уже с периода Киевской Руси; игнорирование буферного характера пространства Южной Руси; замалчивание практически полного ополячивания социального строя, культуры, языка южно-русского населения в XVI–XVII вв. (не говоря уже о Галицкой Руси), явное приувеличение и приукрашивание феномена казачества и т. д.

Безусловно, историки-эмигранты внесли большой вклад в изучение украинской истории. Среди них выделяется такой видный исследователь, как Лысяк-Рудницкий. Он, работая в конкурентной и здоровой научной среде Северной Америки, достаточно объективно подходил к пониманию украинской истории, в том числе к варяжскому вопросу и геополитическому месту украинского пространства. Но Лысяк-Рудницкий так и не написал обобщающей работы. Его исследования представлены отдельными статьями.

Несколько восполнили этот недостаток работы Ореста Субтельного. Он не скрывает важности варяжского фактора для становления Киевской Руси, довольно объективно исследует процесс становления украинства на рубеже XIX–XX вв. Но и в его работах, хотя с меньшей навязчивостью, звучат все те же ноты тысячелетнего украинства, которого не было.

Можно отметить также интересные работы З. Когути, О. Прицака и других современных историков диаспоры.

После 1991 г. украинская историческая школа возродилась и на Украине, но многие работы современных украинских историков по-прежнему тяготеют к сохранению прежних подходов, свойственных Грушевскому. Снова корни украинцев находят едва ли не в палеолите, замалчивается роль варягов в основании Русского государства, древняя Русь подменяется Украиной, русская история отделяется от украинской и т. д. Многие подобные фальсификаты в XXI в. просто смехотворны и свидетельствуют о низком профессиональном уровне повторяющих их историков, ибо игнорируют общеизвестные источники и факты.

Вместе с тем целый ряд историков создает действительно серьезные работы, что и неудивительно, ведь сегодня далеко не 1900-й и не 1920 г. и на одном фальсификате далеко не уедешь. Тем более, что в Европе появился целый ряд историков, занимающихся украинской историей, не говоря уже об историках Польши, России и Северной Америки.

Среди современных историков на Украине следует отметить работы таких авторов, как М. Коваль, В. Солдатенко, Д. Багалий и др. Но, вероятно, наиболее значительным современным историком можно назвать известного политика В. Литвина. Он автор серии работ по истории Украины XX в. Причем его более поздние работы отличаются большей объективностью и научностью. В то же время, наиболее выдающимся научным исследованием последнего десятилетия правильно будет считать работу Михаила Ковалю «Украина во Второй мировой и Отечественной войне» (1999). Ее отличительные черты: высокая степень объективности

и научности, широкий охват сложнейших вопросов, порожденных на Украине трагической реальностью Второй мировой войны.

Тем не менее основная масса работ украинских историков начала XXI в. продолжает нести на себе печать идеологического субъективизма. Все то же противопоставление истории России и Украины, то же замалчивание происхождения украинцев из малороссов и русинов, игнорирование огромного влияния внешнего фактора на украинскую историю и т. д. Неудивительно, что украинские историки (и целые их институты) не в состоянии создать общую и целостную концепцию украинской истории.

Глава II

Актуальность исследования. Критика концепции Украины-Руси Михаила Грушевского. Ненаучность смешения истории племен (первобытности) и цивилизации. Научная недостаточность истории Украины как причина ее идеологизации и мифологизации. Концепция истории Украины (Южной Руси) как буферного пространства

Уже не одно столетие (как минимум с XVII в.) история Украины (Малороссии) является предметом острых политических, научных, культурных споров, часто перераставших в ожесточенные идеологические полемики. Ими был охвачен весь XX в., во многом накал идейного противоборства теперь перенесен в век XXI. Причем конца этим по большей части околонучным спорам не видно. Причина весьма неудовлетворительного (мягко сказано!) состояния истории Украины проста – отсутствие строго научного подхода в процессе исторических исследований. И неудивительно. Уже с начала зарождения этой истории как научной дисциплины, со времени Костомарова и Антоновича, она представляла собой, прежде всего, оружие идеологической борьбы. В подавляющем большинстве целью украинских историков было доказательство необходимости создания украинской государственности, поиск аргументов в историческом прошлом в защиту идеи украинской государственности. Причем, государственность эта могла мыслиться чрезвычайно широко. От умеренной автономии в составе России или Австро-Венгрии с упором на культурную самобытность до обширной националистической империи («от Сяну до Дону»).

История, публицистика, политика, идеология, литература тесно были связаны с идеей украинской (южнорусской) государственности и самобытности. Так, крупнейшие украинские историки, например, Грушевский и Дорошенко, в то же время были крупнейшими политиками. А многие видные политики (Винниченко, Мазепа и др.) занимались осмыслением украинской истории. Естественно, уже такое единение истории и политики не могло содействовать научности, наоборот, породило крайнюю тенденциозность в исторических исследованиях.

Установление большевистского режима на большей части Украины и присоединение к воссозданной Польше западноукраинских земель еще более укрепило у историков-эмигрантов взгляд на историю как на оружие борьбы за украинскую государственность. Наоборот, в СССР история оказалась полностью под контролем другой идеологии – марксизма-ленинизма.

Казалось бы, обретение Украиной независимости в 1991 г. должно было изменить отношение к истории как к идеологическому оружию. Ведь независимая украинская государственность существует почти два десятилетия. История должна, наконец, обрести полноценный статус науки. Но целый ряд особенностей возникшего украинского государства, которых мы коснемся далее, привел к консервации функции истории как вспомогательного оружия, идеологического придатка к системе государственной власти. Преобладающей стала концепция украинской истории как вековой борьбы за государство и европейский выбор. Совершенно безосновательно Украина объявлена неотъемлемой частью Европейской цивилизации, едва ли не ее центром. На этой почве расцветает мифотворчество и фальсификации истории, мало общего имеющие с подлинной наукой.

Поэтому целью данного исследования является целостное осмысление украинской (южнорусской) истории, а также ее связь с современными событиями, то есть, процессом становления украинской государственности и общества в начале XXI в. Принципиальный отказ от идеологических догм как советских времен, так и державно-националистического взгляда на историю Украины (Южной Руси). В процессе исследования этой истории автор в полной

мере использует сравнительно-исторический метод, считая его единственно эффективным для столь общей работы.

В частности, проводится сравнение хода эволюции Европы и Украины (Малороссии), сравнение влияния на украинскую историю Запада и Востока. Благодаря этому определяется историческое и геополитическое место Украины как буферной территории между Европой и Евразией, мусульманской и европейской цивилизациями. Важнейшей задачей исследования автор считает осознание воздействия крупнейших событий на эволюцию Украины (Южной Руси). Недопустимым является игнорирование и преуменьшение значения целого ряда событий и фактов. Как, например, столкновения гуннов и готов на территории будущей Руси и Украины, роли скандинавов в создании Киевской Руси, буферный характер пространства Малороссии, лишь в последние 90 лет называемой «Украина», и т. д. Игнорирование этих и других важнейших фактов истории Украины как раз и обрекает ее на существование как полумифа, идеологии, орудия государственной политики.

В то же время преувеличивается значение других фактов или искажается их содержание. Так, Киевская Русь рассматривается как исключительное явление украинской истории, а сама она принципиально отделяется от русской, хотя создание киевской государственности происходит по оси «из варяг в греки», то есть, из Новгорода. Причем теснейшая политическая связь между Киевом и Новгородом существовала до середины XII в., фактически, до начала упадка киевской государственности, таким образом, более 250 лет. Только с середины XIII в. действительно происходит разделение Южной и Северной Руси, но в результате тяжелейшего внешнего удара – нашествия монголо-татар.

Центральное место в превращении истории Украины в идеологию и в национальный миф занимает концепция Украины-Руси Михаила Грушевского. Важно заметить, что она была создана на рубеже XIX–XX вв., то есть, 100 лет назад, а задумана была учителем Грушевского Антоновичем еще ранее. Естественно, она несет на себе печать времени, в котором создавалась. Как раз именно на рубеже XIX и XX вв. крайне остро в среде формировавшейся украинской интеллигенции встал вопрос о национальной самоидентичности, бывший решающим стимулом к разработке концепции Украины-Руси. Для этого складывалась и благоприятная внешнеполитическая ситуация. Этнические земли Южной Руси входили с конца XVIII в. в состав двух империй: России и Австро-Венгрии. Причем, со второй половины XIX в. правительство Австрии с целью ослабления России и отторжения из ее состава южнорусских земель, целенаправленно поддерживало усилия украинской интеллигенции по развертыванию национально-культурного, а затем и сепаратистского движения украинцев. Несколько позже активную поддержку, в том числе и финансовую, это движение начинает получать и от другого, еще более опасного противника России – Германской империи. Нетрудно понять, что в столь политизированных условиях рубежа XIX–XX вв. историческая концепция Грушевского не только несла на себе родимое пятно национальной идеологии, но и прямо была задумана как теоретическое обоснование для поддерживаемого и даже провоцируемого извне сепаратистского движения на юге России. Показательно, что для создания своей концепции Грушевский, будучи подданным России и даже плохо зная малорусское наречие (т. к. вырос на Кавказе, где служил его отец), переместился во Львов (с 1894 г.), т. е. на территорию Австро-Венгрии, где и прожил с перерывами до Первой мировой войны. Объективности ради следует подчеркнуть, что развертывание украинского движения происходило вовсе не на пустом месте. Действительно, историческая эволюция всей Руси на протяжении более чем тысячелетия со времени ее основания протекала весьма противоречиво. И южнорусское население имело определенные отличия, на западных землях (Галичина, Буковина, Волынь, Холмщина) весьма существенные, в языке, хозяйственной деятельности, религиозной ментальности и др. К тому же существовала историческая традиция южнорусской государственности, как со времени Киевской Руси, так и со времени более близкого: середины XVII–XVIII вв. (Гетманщины).

Так что почва для роста южнорусского сепаратизма, особенно культурного, на рубеже XIX–XX вв. была весьма благоприятна. Тем более трансформация сначала европейской цивилизации, а затем и России в индустриальное общество в XIX в. привела к стремительному росту слоя интеллигенции, который на южнорусских землях стал претендовать на право быть южнорусской элитой. Последняя, с целью обособиться от общей русской государственности и культуры, начала переход от этнического имени «русские» (точнее, малороссы) и «русины» к этническому имени «украинцы».

Нетрудно понять, что как раз историческая доктрина Украины-Руси Грушевского представляла собой ничто иное, как историко-идеологическое обоснование претензий новой южнорусской элиты на культурную, а в перспективе и политическую обособленность. Уже в силу этих культурно-политических условий и задач Грушевский должен был во главу угла своих исследований ставить не столько научные принципы, сколько этнополитические цели. Поэтому сегодня, в XXI в. вызывает неподдельное удивление стремление подавляющего большинства украинских историков неуклонно придерживаться более чем столетней давности идеологической доктрины Украины-Руси. Это все равно, что ехать на упряжке волов по современному скоростному автобану.

Ко всему заметим, что концепция Грушевского уже в момент своего написания не вызвала большого интереса в исторических кругах России. И не только из-за ее явной идеологической подоплеки. Сам факт превращения вдруг Южной России в Украину, да еще именованное даже Древней Руси Украиной, термином, который вообще появляется не ранее XIII в., для историков начала XX в. представлялся абсурдом. Тем более что к этому времени уже прошло несколько десятилетий как были написаны и читаемы работы Карамзина, гигантский труд Соловьева, концептуально-исторические исследования Ключевского и т. д.

Но не только совершенно ненаучная «украинизация» истории Руси сразу бросается в глаза. Сама трактовка ранней русской истории, по меньшей мере, вызывает удивление. Так, совершенно не обоснованы поиски «древних» корней украинцев. Эта идея, намеченная еще Антоновичем, сегодня, в XXI в. породила просто бредовые «находки» предков украинцев чуть ли не в палеолите(!). Она уже выработана Грушевским в его концепции Украины-Руси, является частью ее. Ясно, что попытки вопреки не то что научному методу, но даже здравому смыслу отыскать украинцев там, где их и быть не могло, иначе как грубой фальсификацией истории назвать нельзя.

Именно это весьма широко осуществлял Грушевский. Уже в первом томе, написанном весьма непонятным языковым суржиком (так как Грушевский параллельно с созданием украинской истории создавал и украинский литературный язык на основе предгорного диалекта Галичины), видим упорные попытки удревления истории украинцев.

Это осуществлялось за счет привязки истории славянских племен юга Руси к истории достаточно неопределенной группы племен: антов. Хотя последние видимо были близки славянам (их даже можно назвать протославянами), но не только лишь юга Руси. К тому же анты могли включать в свой состав и неславянские племена. То есть, если они и были предками украинцев, то с таким же успехом они могли быть предками и других славянских и даже соседних неславянских народов. Во всяком случае, и сегодня, по прошествии более чем 100 лет, не выяснено окончательно не только «украинство» антов, а даже их славянство.

Так, немногочисленные исторические источники об антах (Иордан, Прокопий Кессарийский, Менандр, Феофилакт Симокатта) свидетельствуют об их связи с племенами гуннов и готов. Например, Прокопий Кессарийский писал, что анты живут к северу от гуннского племени утигуров, кочевавших на южном Дону. Тогда как Иордан (летописец готов) относил расселение антов к побережью Черного моря между Днестром и Днепром. К тому же уже к концу VI в. анты исчезают из исторических источников. Причем Симокатта свидетельствовал, что

где-то в конце VI в. хан аваров приказал своему войску уничтожить антов за союзничество с Византией. Вероятно, это и было сделано.

Возникает вопрос: если история антов так малоизвестна и очень рано обрывается, а каких-то точных данных об их близком родстве даже с южнорусским населением (не говоря уже об украинцах) нет, то зачем Грушевский объявлял антов предками украинцев? Ответ все тот же. С целью резко удревнить историю украинцев и отделить ее от истории русских! При этом главным аргументом является то, что термин «анты» – переводится как «живущие на краю». Украина тоже вроде «с краю» или «у края»! Вот и вся логика! Значит, анты – это украинцы, а украинцы – это анты.

В действительности, мы не находим какой-то точной увязки с антами племен, из которых формировалась Киевская Русь. Так, названия южнорусских племен дулебы, поляне, древляне, севера и т. д., никак не увязываются с названием – анты. Хотя не исключено, что остатки разгромленных аварами антов и могли влиться в состав южнорусского населения. Но с такой же, и даже большей вероятностью, можно предположить, что остатки антов влились в состав южных славян. Например, протоболгар, которые уже в VII–VIII вв. находились в тесных отношениях с Византией и были развитее, чем проторусские племена.

Еще более абсурдными являются попытки увязывания украинской истории то с ираноязычными сарматами и скифами, а то и вовсе с праиндоевропейцами и даже с трипольцами(!). Хотя еще несколько десятилетий назад такой крупный лингвист, как Дюмизель, показал, что потомками скифов являются современные осетины, напрямую этнически не связанные не только с украинцами, но и со славянами в целом. Их язык относится к западноиранской группе индоевропейских народов. Не говоря уже о трипольцах, других якобы «предках» украинцев. Эти самые трипольцы не были даже европейцами. А центр их расселения находится на территории современной Румынии.

То же касается индоевропейской древности украинцев. Она не более и не менее глубока, чем истории десятков других индоевропейских народов. А такие из них как иранцы, эллины, армяне, германцы и даже литовцы, не говоря уже об индоариях, и вовсе далеко превосходят украинцев в праве претендовать на древность. Особенно абсурдность доказательств древности украинцев видна на историческом фоне формирования Киевской Руси. Ведь последняя возникает тогда, когда уже 2–3 тысячелетия существовали ближневосточная, китайская, античная цивилизации. Тем более, что важнейшие элементы религии, культуры, хозяйствования, дипломатии, и т. д. Киевская Русь непосредственно восприняла от Византии – настоящей исторической наследницы и продолжения античной цивилизации. Как при такой исторической реальности можно говорить о «сверхдревности» украинцев, просто непостижимо. Наоборот, Древняя Русь (не говоря уже об украинстве, формировавшемся как этнокультурное движение лишь с середины XIX в.) была одним из позднейших государственных образований на восточной периферии Европы.

Например, даже само определение «древняя Русь» не несет такой же смысловой нагрузки, что и «древний Рим», «древний Китай», «древняя Индия», не говоря уже о «древнем Египте» или «древнем Вавилоне». Ведь «древняя Русь» в действительности существовала в Средние века. То есть, была явлением средневековой истории, а не древней по хронологии мировой истории.

Удревления «истории Украины», как мы видим, Грушевский достигает с помощью очевидного ненаучного приема. Он отождествляет племена с государствами и народностями, т. е. первобытные этносы с цивилизацией и цивилизованными этносами. Очевидно, будь то поляне, древляне, дулебы, дреговичи, кривичи или другие племенные этносы, они еще не перешли полностью грани между первобытностью и цивилизацией. Они только стояли на этой грани.

Еще в большей степени это касается антов. Экспансия варягов-руси важна именно в этом отношении. Консолидация Древней Руси как раз и представляла собой переход племен, ее

населявших, из первобытности в цивилизацию. Следовательно, сама эта Киевская Русь была явлением переходным. А именно: конфедерацией племен под главенством двух государствообразующих центров: Киева и Новгорода. Именно поэтому в Киевской Руси мы видим конвергенцию государственного, цивилизованного начала и племенного, первобытного. Грушевский с идеологической целью полностью игнорирует столь важный аспект русской, а теперь и украинской истории.

Очевидно, что история Украины не может удревляться за счет истории племен, которые имели свою племенную историю, а не историю украинцев. Это со всей очевидностью видно и на примере антов, история которых прослеживается лишь 200 лет. На истории древлян, которых подчиняют киевские князья, и т. д. Естественно, что когда появляется история Руси, тогда, начинает исчезать история племен. то есть, украинцы принадлежат к цивилизованной истории, их предки-племена к истории первобытной. Уже в XIX в. европейские историки вполне осознавали, что первобытность, или, как они называли ее, – варварство, недопустимо отождествлять с цивилизацией. И вызывает неподдельное удивление, что сегодня, в XXI в. украинские историки до сих пор игнорируют эту истину.

Именно поэтому нужно признать, что формирование русской, белорусской, малорусской (украинской) народностей происходило лишь после разложения племен, то есть, в XIV–XVI вв. и позднее. Причем Украины это касается особенно, ибо она несколько веков подвергалась тяжелым опустошениям, превращаясь, по признанию самого Грушевского в 7-м томе «Истории Украины-Руси», в пустыню. Особенно в центральной части – Поднепровье. Так что смена народонаселения была здесь куда более интенсивной, чем в России и особенно в Белоруссии. Неудивительно, что формирование украинской народности получило более интенсивное развитие только с конца XIX в. А объединены были украинцы, точнее малороссы и русины, в одно административное целое лишь в середине XX в.!

Не менее странным, если не сказать прямо – ненаучным, являлось отношение Грушевского к источникам. Прежде всего, к «Повести временных лет». Этот фундаментальный источник, без которого мы вообще мало что знали бы о Древней Руси, украинский историк потрошил как хотел. Так, он тщательно повторял местоположение восточнославянских племен, прежде всего южных, вслед за летописью. Но без всяких оснований отвергал решающее значение для возникновения Киевской Руси прихода варягов, вытекавшее из той же летописи. И причина у него была. В «Повести временных лет» совершенно однозначно показана теснейшая связь Новгорода и Киева именно в связи с экспансией варягов-скандинавов. Назван путь «из варяг в греки» как пространственная и политическая ось, вокруг которой и формировалась Киевская Русь именно как конфедерация племен. Естественно, что «норманнская теория», которая является единственно научной, ибо опирается на важнейший исторический источник, а не высасывается из пальца, как концепция Украины-Руси, совершенно не устраивала Грушевского, а потому была им отброшена. Ведь теснейшая связь Новгорода и Киева, существовавшая в действительности несколько веков, на корню подрывала концепцию Украины-Руси, ибо оказывалось, что «украинский» Киев и «русский» Новгород были теснейшим образом связаны между собой с самого зарождения Древней Руси. Причем связующим звеном между двумя важнейшими центрами Древней Руси согласно летописи был еще один современный русский, а не украинский город – Смоленск!

Грушевский непревзойденно решил проблему. Он просто забыл о Новгороде в I томе «Истории Украины-Руси»! В результате, Киев остался один и можно было смело отделить Южную Русь от Северной и придумать Украину-Русь. А заодно и доказывать, что государство в Киеве, то есть, по Грушевскому, на Украине, появилось раньше, и намного раньше, чем в России. Хотя упрямая «Повесть временных лет» повествовала обратное: именно в Новгороде стали княжить первые варяжские князья. И прежде всего, родоначальник всех русских князей, в том числе и киевских, Рюрик. Именно из Новгорода варяги пришли в Киев. Сначала Аскольд

и Дир, а затем Игорь и Олег с дружиной. Впрочем, не исключено, что варяги-русь появились в Поднепровье даже еще несколько раньше.

В действительности, в период Киевской Руси не было деления на Южную Русь и Северную. Во всяком случае, до времени усиления Владимиро-Суздальских князей с конца XII в. главным было направление север – юг, Новгород – Киев, т. е. путь «из варяг в греки». Наоборот, полоцкие князья, представлявшие будущую белорусскую ветвь Руси, выделились со своим княжеством уже в конце X в. Причем, достоверность фактов, изложенных в «Повести временных лет» подтверждается практически всеми другими историческими и археологическими источниками. Например, византийскими, арабскими, скандинавскими. В частности, «Поучением Константина Багрянородного», фактически второго по важности исторического источника по истории Киевской Руси. Об этом же свидетельствует присутствие варягов (византийский вариант «варанги») в XI в. в гвардии византийских императоров, куда они попадали, несомненно, через территорию Руси. И вероятно, прямо из Киева. Соответственно, и древнерусский термин «варяг» трансформировался в византийский «варанг».

Следовательно, путь «из варяг в греки» сохранял свою важность не только в X в., но и на протяжении XI в. Это заключение полностью подтверждает способ захвата власти самыми могущественными киевскими князьями: как князем Владимиром, так и Ярославом. Они оба княжили в Новгороде и именно благодаря этому захватили власть в Киеве, так как опирались в борьбе со своими братьями именно на новгородцев и варяжские отряды, приводимые ими из Скандинавии. Они повторили военные походы с севера – Новгорода, на юг – Киев, ранее совершенные сначала варягами Аскольда и Дира, а в 883 г. Олегом и Игорем.

О присутствии и привилегированном положении в Новгороде варягов свидетельствует и «Русская правда» Ярослава, изданная около 1015 г. О широкой экспансии варягов по пути «из варяг в греки» говорят и археологические раскопки. Например, на острове Готланд, где были найдены в значительном числе арабские и византийские монеты.

Особенно очевидно соответствие исторической действительности фактам, изложенным в «Повести временных лет», при сравнении с историей Западной Европы IX–XI вв. Последняя также подверглась широкой экспансии скандинавов (норманнов) в те же самые века, что и была основана Древняя Русь. Казалось бы, уже перечисленных фактов, большинство из которых были хорошо известны Грушевскому, достаточно для признания истинности «норманнской теории», которая только и может быть единственно научной, ибо подтверждается этими историческими фактами. Но признание этого для Грушевского недопустимо, ибо тогда получалось, что киевские князья были не «украинцами», а скандинавами-русью. Нужно было выбирать между научностью истории и концепцией-идеологией. Но выбор для украинского историка был предопределен уже самим его украинством. Впрочем, кому-то могло показаться, что в концепции Украины-Руси есть и рациональное зерно. Грушевский стремится его найти в отождествлении южнорусских племен, прежде всего полян, живших вокруг Киева, и собственно его население с украинцами, что само по себе весьма проблематично. Хотя бы потому, что язык русских летописей, написанных в древнем Киеве, не ближе к современному украинскому, чем к современному русскому, а скорее даже дальше. Следовательно, древние киевляне не говорили и не писали на украинском языке. К тому же, по крайней мере в X–XI вв., язык, на котором говорили киевляне, скорее всего не был идентичным языку племени полян, а имел как раз черты общерусского. Эта вероятность весьма велика, если учесть как транзитный характер Киева, так и этническую пестроту населения. Например, разнородный состав княжеской дружины и достаточно тесную связь Киева с Новгородом и Смоленском, а также подчиненное положение собственно полян, основная масса которых относилась к социальным низам Киева и его окружи.

Именно таким было положение с городами Южной Руси в следующие периоды истории: польско-литовский и русско-австрийский. Например, даже в начале XX в. Киев был заселен

русскими и евреями, а не малороссами, хотя земельные территории вокруг Киева были заселены будущими украинцами – малороссами. То же самое можно сказать о Львове, основную массу населения которого составляли поляки и евреи. Хотя вокруг Львова жили русины – другие будущие украинцы. Причем, как в этих городах, так и в других: Харькове, Екатеринославе, Одессе и т. д. в общении преобладали русский или польский языки, но не малороссийский и не галицкий предгорный диалект русинов.

Не менее интересно положение с Черниговским княжеством. На его пространстве впоследствии сложились политические центры как украинские, так и русские: например, Рязань, Брянск и т. д. Уже поэтому изучение Черниговского княжества как «украинского» выглядит вдвойне необоснованно.

Не меньшее число вопросов в концепции Украины-Руси вызывает историческая преемственность Киевской Руси и последующих периодов истории южнорусских земель. Грушевский по вполне понятным причинам пытался доказать историческую преемственность населения во все периоды русской истории. Но общеизвестные факты середины XIII в. свидетельствуют об обратном. Это описание южнорусских земель Плано Карпини, папского посла к великому монгольскому хану. Киевская земля им описывалась как пустынная, а сам Киев по размеру не превосходил крупное село. То же подтверждает другой важный источник того же времени – Рубрек.

Вскоре Киев покинул и митрополит, переместившийся сначала на Волынь, а затем и вовсе в Москву (1300 г.). И это при том, что и Северо-восточная Русь начала XIV в. тоже была в тяжелейшем положении, испытывая почти непрерывные вторжения татарских грабительских отрядов. А Москва только начала возвышаться из многих других мелких городков, и едва переросла на рубеже XIII–XIV в. в размеры большого села, каковым была во второй половине XII в. как вотчина бояр Кучковичей. Следовательно, положение Южной Руси на рубеже XIII–XIV вв. было просто катастрофическим: она обезлюдела. Причем, упадок пережила не только Киевская, но и Черниговская земля.

Можно ли утверждать, что население Южной Руси при смене ее киевского периода литовско-польским не изменилось? Такое утверждение как минимум спорно. Так, можно говорить не только об уходе части населения Южной Руси на север, но и о последующем приходе нового населения с западных русских, особенно белорусских и даже польских земель на киевские и черниговские земли. Например, общеизвестно, что в XVI–XVII вв. Левобережье и Слободская Украина как раз были заселены преимущественно выходцами из Волыни и Подолии, то есть, потомками древлян, волынян, дулебов и т. д., западнорусским населения, но никак не потомками полян, которые в столетия татарских нашествий и набегов были просто рассеяны как этнос вместе с почти полным упадком их древнего племенного центра – Киева.

Закономерно, также, что в новый, литовско-польский период появляются и закрепляются и новые термины в названии южнорусских земель: Малая Русь и Украина. Причем первый использовался вполне официально уже в начале XIV в. галицко-волынскими князьями и введен был греками. Второй не был официальным, но точно указал изменение геополитического положения Южной Руси, превратившейся из политического центра большой федерации племен в почти безлюдную окраину. Сначала окраину Великого княжества Литовского, а затем в пограничье Польши, колонизируемое польскими магнатами.

Важнейший источник первой половины XVI в. Михалон Литвин описывает киевскую землю как неосвоенный, пустынный край с дикой природой, население которого подвергается почти непрерывным набегам крымских татар. Тысячи и тысячи южнорусских невольников стоняются в Кафу на рабский рынок. Причем сам Михалон Литвин лично видел массы этих несчастных людей, будучи в Крыму. В соответствии со своим принципом замалчивания невыгодных фактов украинские историки игнорируют столь важный исторический источник.

Неудивительно, что на протяжении литовско-польского периода южнорусской истории полностью исчезает политическая система, существовавшая в Киевской Руси – княжеств и княжеской власти. Причем если в XIV–XV вв. ее преемником в некотором отношении можно считать литовских князей и Литовское княжество, то с переходом управления южнорусских земель под контроль Польши исчезает даже эта призрачная преемственность. Зато укрепляется польская административная система и социальная терминология вроде: повет, гетман, пан и т. п. Следовательно, можно говорить о глубоком различии в истории двух периодов Южной Руси. Настолько глубоко, что происходила смена политического, социального, геополитического ее положения, а значит и этнического состава населения. Именно в литовско-польский период южнорусские земли окончательно превращаются в буферную территорию, со всеми вытекающими из этого последствиями: неустойчивым и полукочевым типом заселения, слабостью политической организации, неопределенностью границ, полиэтническим характером населения, постоянно существовавшей опасностью внешних вторжений.

Сам Киев и киевская земля в литовско-польский период неоднократно подвергались тяжелым разрушениям. Особенно в 1482 г., что и описывает самыми яркими красками Грушевский с привлечением большого исторического материала. Причем, жесточайшим нашествиям причерноморских татар и турок подвергались не только центральные районы Украины – Поднепровье, но и восточные и западные. Например, Галичина и Подолье в 1524 г. и 1526 г. были настолько разрушены, что местами обезлюдели.

Тем не менее вопреки множеству фактов неоднократного, почти полного опустошения Южной Руси, которые сам же украинский историк и приводит, он упорно отождествляет полян и северян с украинцами. Хотя совершенно очевидно, что на территории будущей Украины, особенно в Поднепровье, неоднократно происходила смена населения. Причем, очевидны и направления, откуда приходили новые переселенцы в центр и на восток Украины. Это, прежде всего, Галиция и Волынь, Белоруссия, Польша, Молдова и Валахия. Немалой в среде южнорусского населения была тюркская примесь, особенно в среде казачества.

Наконец, важно обратить внимание на еще один негативный аспект концепции Украины-Руси – ее этнографичность, на который обращали внимание уже историки начала XX в., например, профессор И. Линниченко. Действительно, стремясь показать, что южнорусский (украинский) народ имел свою, отдельную от других народов историю, Грушевский приводит большую массу бытового материала, часто совершенно незначительного. При этом даже важный этнографический материал просто констатируется и не делается его исторический или сравнительный анализ. Следовательно, Грушевский не применял сравнительно-исторический метод, без чего этнографический материал превращался в большую, неупорядоченную массу мелких фактов. В то же время, после упадка государственной жизни в Киевской и Галицкой Руси, то есть, с середины XIV в., Грушевский уже не исследовал в органической связи развитие государств, в которые вошли южнорусские земли, и населения этих земель. В результате, концепция Украины-Руси еще более стала похожа на историческую этнографию, со всеми присущими ей недостатками.

Так, вне поля внимания украинского историка оказываются такие важнейшие вопросы, как сравнение эволюции Южной Руси (Украины) с европейскими и неевропейскими государствами, оценка уровня ее социального развития, огромное влияние государственных структур Литвы, Польши, России на эволюцию южнорусских земель и т. д. В результате, концепция Украины-Руси предстает как явление вне государственного и международного времени и пространства. Она предстает как идеология для внутреннего пользования самих украинцев, как обоснование необходимости украинизации малороссов.

Закономерно, что концепция Украины-Руси не может быть признана научной не только историками России или Польши, но и европейскими исследователями других стран. Например, такие видные французские историки как Ле Гофф или Поньон, однозначно видели в

Киевской Руси одно из направлений норманнской экспансии, другими направлениями которой были западная Франция, восточная Англия, северная Германия.

Но явные противоречия концепции Грушевского возникли не на пустом месте. Они – результат самой действительной истории Южной Руси как буферной территории. Более того, в самом термине «Украина-Русь» отражается это особое геополитическое место южнорусского (украинского) пространства. Так что Грушевский в своей концепции косвенно отразил историческую действительность. Неудивительно, что в VI томе при исследовании процесса полонизации Галицкой Руси, историк даже меняет местами термины, и уже говорит о Руси-Украине. В последнем названии юго-западных русских земель точнее отражен их буферный характер. Хотя и он применим только как факт исторической эволюции, а не как причина подмены одного исторического термина другим.

Тем более, что как раз этой главной причины превращения Руси в Русь-Украину Грушевский совершенно не понимал. Он в упор не видел, что Южная Русь как раз потому и превращалась в Украину, что была буферной территорией по отношению к Европе, к той же Польше как восточному региону европейской цивилизации. Соответственно, и концепция Украины-Руси имела у украинского историка совершенно другую, ненаучную, а идеологическую цель: доказать древность и непрерывность Украины, хотя последняя формировалась почти из пустыни, возникшей после гибели юга Древней Руси. Но, несмотря ни на что, название «Русь» сохранялось даже в наиболее ополяченной Галиции, не говоря уже о Поднепровье.

Естественно, что одной из главных причин появления такой «украинской» истории-идеологии был остро ощущаемый украинскими (малороссийскими) интеллектуалами комплекс неполноценности. Южнорусская народность, столетиями не имевшая государственности, история которой едва ли не полностью прерывалась в XIV–XV вв., в XIX в. оказалась сильно интегрирована в недра Российской империи и нуждалась уже не в истории, а скорее в мифе. И Грушевский его создавал.

Так что уже из критики концепции Украины-Руси крупнейшего украинского историка ясно, насколько тема исследования актуальна. До сего дня логика украинской истории не была написана. Понять же настоящее состояние Украины без фундаментального научного исследования ее истории невозможно. Ибо прошлое сокрыто в нас, в наших делах и мыслях.

Глава III

Географическое и геополитическое место Украины (Южной Руси) в мире как не-Европы

Сегодня в официальных и неофициальных представлениях украинского населения насаждается точка зрения об исконной «европейскости» Украины и украинцев. Как истина в последней инстанции навязывается мнение об Украине как неотъемлемой части Европы, даже как о ее центре! На основании такого бездоказательного убеждения делается вывод о безальтернативности для Украины европейского выбора и интеграции как естественного соединения с родственной цивилизацией.

Повторяемые много раз, эти тезисы уже давно (еще в годы президентства Кучмы, а может, и Кравчука) превратились в политические и идеологические штампы, которые новая власть Ющенко лишь обновила. Никто из теоретиков украинизма даже не подумал о необходимости обоснования единства Украины с Европой, а политические круги, ориентированные на Россию, привычно используют в своих высказываниях советские аргументы, не пытаясь или боясь, подняться до геополитической высоты проблемы. Но принадлежность Украины к Европе никем не доказана и не доказывалась. Очевидно, украинские научные круги и политики даже мысли не допускают об обратном. А зря. С географической точки зрения Европа – это полуостров, который где-то имеет границу с огромным материком Азия, часто именуемым Евразией. Где же эта граница? Автор десятки раз всматривался в карты Европы и Украины (географические, геологические, исторические и т. д.). Вывод из этих карт можно сделать один: полуостров Европа заканчивается на востоке по линии Калининград – Карпаты – Одесса – Черное море. Причем, Восточные Карпаты есть главная географическая граница Европы на востоке. Восточнее этой линии начинается равнина, которую часто называют Восточноевропейской. Но у нее есть и другое название – Русская, куда более соответствующее географическому принципу.

Ведь нельзя же эту огромную равнину, доходящую до гор Урала, также считать полуостровом. Тогда оказывается, что Москва, Самара, Астрахань и даже Оренбург, не говоря о Киеве и Донецке, расположены на полуострове!

Т.е., если исходить из чисто географического фактора, то ни Украину, ни западную часть России причислять к Европе нельзя. Ибо Европа это полуостров, а Россия и Украина – материк, с которым полуостров граничит! С этой точки зрения лишь Закарпатская Украина и часть Одесской области являются крайними восточными анклавами полуострова Европа.

Но на каком же основании границы Европы были отодвинуты до Уральских гор? И чем является Украина, если не Европой?

Отвечая на первый вопрос, можно сказать, что нет никакого основания считать Уральские горы восточной границей Европы. Это в высшей степени абсурдное утверждение закрепилось в советское время с целью сокрытия того, что Россия, а с ней и Украина, Европой не являются. Делалось это (как и в настоящее время на Украине), с идеологическими целями. Для доказательства того, что коммунистический режим не чисто русское явление, а, как минимум, общеевропейское. Именно с этой целью вся Русская равнина, на которой расположена и Украина, объявлялась Европой. Очевидно, абсурдом является повторение этого идеологического приема. Но оказалось, что такая, с позволения сказать, «география», не менее, чем советским идеологам, была выгодна украинскому политикуму и обслуживающим его научным кругам. И восточную границу Европы оставили на Урале! Но что же в таком случае есть Украина? С точки зрения географии, это юго-западная часть Русской равнины, которая даже геологически находится на отдельной от полуострова Европа геологической платформе. Эта равнина

является обширным материковым пространством Азии, к которому и примыкает полуостров Европа. Сходное положение по отношению к материку «Азия» занимает полуостров Индостан, границей которого являются горы Гималаи. Было бы верхом абсурда назвать этой границей, например, Кавказ или реку Янцзы.

Следовательно, географически Украина не является Европой, а занимает пространство у ее восточных границ.

Для дальнейшей конкретизации положения Украины обратимся к более общественной дисциплине, чем физическая география, – к геополитике. Последняя учитывает уже не только географический фактор, но и положение той или иной территории, региона или страны к другим пространственным образованиям, например, цивилизациям или субцивилизациям. Очевидно, что на западе Украина граничит с европейской цивилизацией и даже чуть-чуть в ней присутствует. Но также Украина граничит с другими обширными пространствами, в частности, с мусульманской цивилизацией. Более того, часть ее территории, а именно: Крым и прилегающие к нему степи, были многие столетия буферным пространством мусульманской цивилизации. До сего дня в Крыму живут представители этой цивилизации – татары.

Следовательно, пространство Украины содержит и элементы мусульманской цивилизации. То же можно сказать о физическом типе южных украинцев, в которых немало тюркской крови: половецкой, черных клобуков, монголов, татар и др.

Наконец, третьим важным фактором геополитического положения Украины является близость России и протяженная граница с ней и Белоруссией. Россия еще более определеннее, чем Украина, не является Европой. Ее положение было определено в 20-е гг. XX в. русскими мыслителями Савицким, Трубецким и другими представителями евразийской геополитической концепции. Ближе к нашему времени Гумилевым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.